

диции. Я думаю, что наше поколение является как бы посредником в этом.

Независимость будет только тогда, когда человек с улицы, простой крестьянин, сможет формулировать свои мысли на языке своей родной страны, на языке своих предков и эти его мысли должны найти свое достойное отражение в нашей литературе.

Традиции и новаторство

МУРСИ СААД эд-ДИН

Египетский писатель

ПРЕЖДЕ всего необходимо уточнить значение самих терминов «новаторство» и «традиция». Первый из них часто употребляют как синоним модернизма, а традиция неизменно идентифицируется с классикой. Но, по-моему, оба эти определения ошибочны или, во всяком случае, неполны.

Новаторство означает — должно означать — бесконечный и переменчивый процесс в литературе, тогда как модернизм — лишь ее нынешнее состояние. Что же в таком случае понимать под традицией? Ведь сегодняшняя традиция — это новаторство вчерашнего дня. Как далеки от нас ее истоки? Каково место фольклора в традиции? У меня на родине, как и во многих молодых развивающихся странах, фольклор играет важную роль в литературном новаторстве. Таким образом, фольклорные традиции превращаются у нас в новаторство. И когда наши поэты углубляются в прошлое, стремясь к возрождению древних, забытых форм, назовем ли мы это традицией или новаторством?

Посмотрим же, как эта проблема преломляется в поэзии. Поэт — это человек, живущий в мире людей. Поскольку мир этот непрерывно меняется, постольку меняется — или, по меньшей мере, должен меняться — и сам поэт. И все-таки, несмотря на это, некоторые важнейшие человеческие проблемы не подвластны времени — любовь и ненависть, жизнь и смерть. Могут измениться причины смерти, но ее суть останется все той же. Продолжительность человеческой жизни

может возрасти вследствие прогресса медицины, но человеческое сердце будет биться по-прежнему.

Здесь мы подходим к проблеме общения. Писатель пишет для читателей. Он не может творить в изоляции. Это настолько очевидно, что, пожалуй, не стоит и останавливаться на этом. А вот когда читаешь некоторых современных поэтов, поражаешься количеству непонятных стихов. Они оставляют нас совершенно равнодушными. Но такая «экспериментальная» поэзия, которой нет никакого дела до читателя, появляется во все возрастающем количестве. И вот мы кричим: «Поэзия умирает!». Если это так, то повинен в этом лишь сам поэт, разучившийся писать понятно.

В арабской литературе проблема традиции и новаторства остро стоит в поэзии, в то время как проза и драматургия от нее свободны. Объясняется это молодостью — для нас — двух последних жанров. А поэзия — древнейшая форма самовыражения арабов. Впрочем, всегда было два вида поэзии: письменная, классическая, и изустная, на разговорном языке. С течением времени первая все более удалялась от народа, вторая все активнее вторгалась в самую гущу народной жизни. Первая порождала поэтов-лауреатов, вторая — народных сказителей. И если классическая поэзия в арабских странах стала хроникой власти имущих, народная поэзия запечатлела чаяния простых людей. Она подвергалась гонениям свыше — и подхватывалась крестьянами, землепашцами.

Но я не хочу сказать, что письменная поэзия была при последних изданиях. Она тоже переживала периоды взлета, и первый из них относится к 1882 году, ко времени Арабского восстания, когда крестьяне поддержали армейский мятеж. Среди взбунтовавшихся офицеров были поэты, запечатлевшие для потомства события тех дней. Подобные социальные взрывы не давали угаснуть письменной поэзии. Другая причина состоит в том, что эта поэзия пишется на классическом арабском, то есть стандартном литературном языке всех арабских стран. Так что выжила она не благодаря собственным достоинствам, а по различным привходящим причинам, главным образом политического характера.

В течение последних десяти лет происходит настоящая битва между приверженцами старой, традиционной поэзии и сторонни-

ками новой школы. Последние верят в функциональное значение поэзии. По их убеждению, поэзия — неотрывная часть жизни и, как таковая, должна иметь определенную функцию. Она создается одним активным членом общества для других активных членов общества. По мысли сторонников этой школы, роль поэзии не ограничивается доставлением эстетической радости. По их мнению, хороша лишь та поэзия, которая имеет социальное содержание. Они считают, что наша новая жизнь определяет стиль, форму и импульс поэзии — следовательно, отвергают старые формы, отказываются от древних метрических канонов и утверждают, что старые бочки не годятся для нового вина. Они не согласны с тем, что воздействие поэзии зависит лишь от звуковых эффектов. Оно, говорят новые поэты, связано с соответствием формы и содержания. В этой поэзии широко используется разговорный язык со всеми свойственными ему выразительными средствами.

Но в то же время эти поэты не отказываются вообще от ритма. Они только восстают против того, чтобы содержание раболопствовало перед традиционной поэтической формой. Ведь любое классическое стихотворение в плену у ритма и рифмы. И власть их жестока, она граничит с самодурством. Строчки и строфы в таких стихах лишены последовательной мысли, логической связи. В самом деле, любопытства ради переставьте строчки в классическом стихотворении — смысл от этого ничуть не пострадает.

Наши же современные поэты стремятся идти в ногу со временем. В определенном смысле их можно назвать революционерами. Они хотят, чтобы арабская поэзия стала созвучной рокоту машин, а не медлительной поступи верблюжьих караванов. Их кумир — это наука, открывающая безграничный простор воображению. С восторгом и удивлением следят они за тем, как наука изменяет нашу жизнь. Для них наука не враг, а друг, они преклоняются перед ней. Наука дает жизнь, а не отнимает ее; она побеждает смерть. И эти поэты ждут от науки новых свершений. Они не склонны, подобно некоторым, видеть в научном прогрессе лишь зло. Они уверены, что будущее за индустриализацией. И в этом коренная особенность их новаторства, накрепко связанного с их стремлением быть в самой гуще жизни.